

На солнцепеке – звонкая капель,
На горизонте чуть темнеют горы,
А слух уже поймал и птичью трель,
И ручейков веселых разговоры.

А ночью – холод, даже снегопад.
Непредсказуем женский месяц март.

ИЮЛЬ

Жара под сорок. Никнут травы.
Знать, север повернул на юг.
«Воды... Воды...» – шумят дубравы.
«Пи-и-ть!» – стонет жалобно канюк.

А солнце печью раскаленной
Палит, сжигает все вокруг:
Кусты на грядке помидорной,
Поля, покосы, нежный луг.

Сияет небо синим зонтом.
Нет даже облачка на нем.
Вдруг где-то там, за горизонтом,
Послышался неясный гром.

Потом над лесом засверкало
Клинком надломленным. Гроза

Загрохотала. И упала
На землю первая слеза.

Весь белый свет закрыла туча,
Холодный ветер потянул.
И хлынул дождь, густой, могучий,
И все слилось в единый гул.

Но вот утихло... Посевает
Веселый дождик на поля.
Ну, значит, будем с урожаем.
И дышит радостью земля.

ДЕКАБРЬ

Утро стылое. С безоблачных небес
Солнце золотит реку и рошу.
Лес – как белокаменный дворец.
Дышится уверенней и проще.

Словно сброшен груз забот, обид,
Позабыты горечи, обманы.
Под ногами свежий снег скрипит.
Первый холод, первые бураны...

Входишь в лес, как в снеговой чертог,
В царские палаты Берендея,
И подводишь годовой итог,
Ни о чем ушедшем не жалея.

Виктор Волчков

Виктор Волчков родился недалеко от станции Сиваки, в лесозаготовительном поселке, которого уже нет на карте. В качестве компенсации за утрату малой родины Виктор Егорович сделал своим родным домом все севера Амурской области и Якутию в придачу. Окончив Благовещенское речное училище, он работал капитаном-механиком в Колымо-Индибирском речном пароходстве. Но, видимо, в капитанской рубке ему бродяжьего ветру не хватало. И он выучился на геолога в Якутском университете. Да тут его сманила редакция газеты «Молодежь Якутии». Потом долгое время был собкором «Амурской правды» по Зейскому району. Работая журналистом, он был и остается по сей день охотником, рыбаком, альпинистом, краеведом – в общем, это человек с шилом... Ну, детали опустим.

Когда успевает писать – непонятно. Тем не менее печатался не только у нас в «Приамурье», но и в сборнике рассказов «В пути» (Якутское книжное издательство), в альманахе «Дальневосточные путешествия и приключения», в журнале «Дальний Восток». Опубликовал пять книг очерково-краеведческого характера. Ищет спонсора, чтобы напечатать сборник рассказов «Медвежья субординация», четыре рассказа из которого мы и предлагаем вашему вниманию.

Рассказы

ОЛЕСЯ И ЧЕТЫРЕ МЕДВЕДЯ

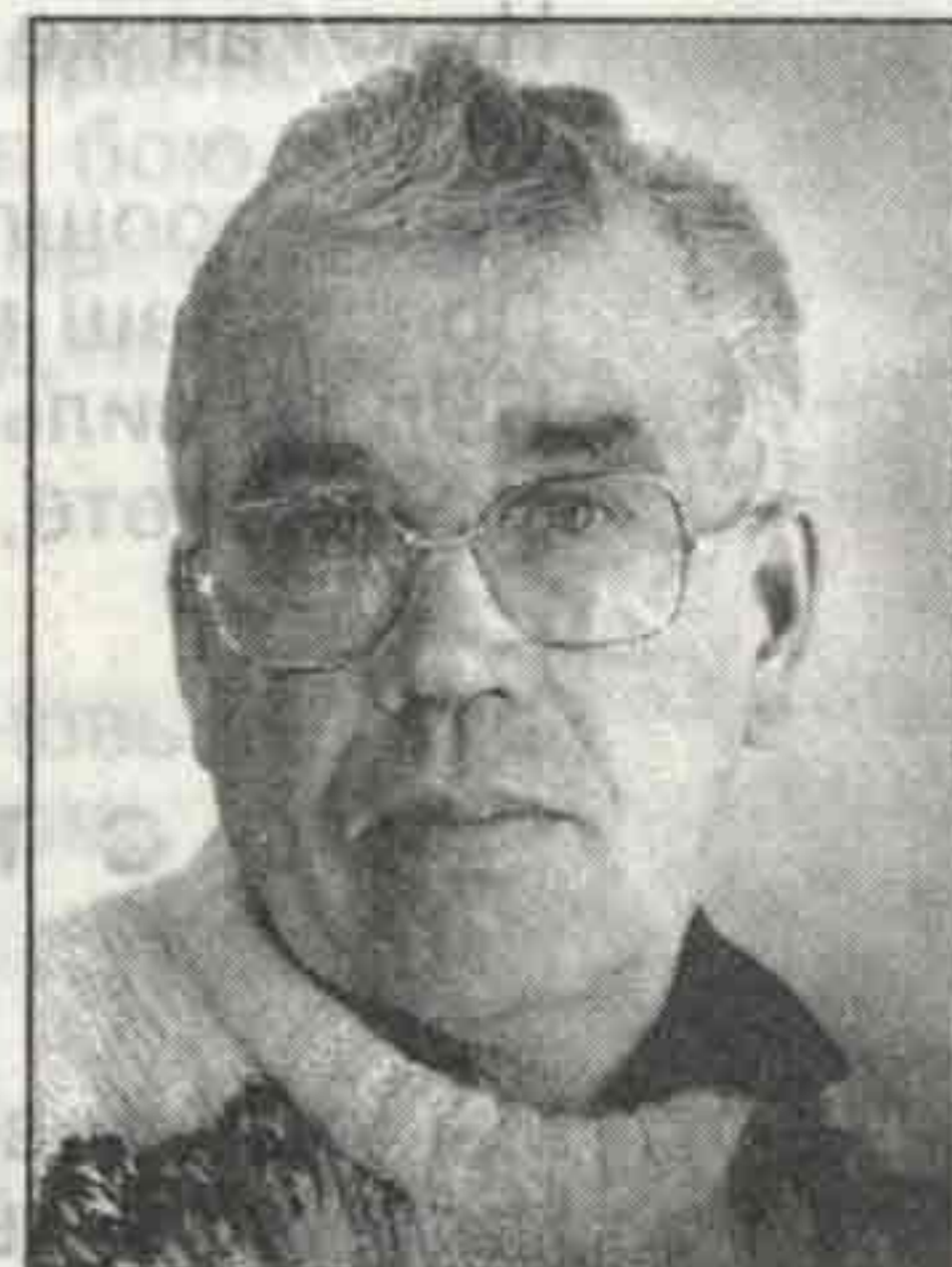
Место для стоянки мы выбрали у подножия довольно крутой, спустившейся к самой речке Тыгде, сопки. Она вся была в соснах: стройных, высоченных, какие принято называть мачтовыми или корабельными. Правда, дров в таких чистых местах всегда маловато. Но ничего, успокаивали сами себя мы, какую-нибудь сухостоину неподалеку все равно отыщем! Вскоре вспыхнул костер, вкусно запахло ухой, свежесваренным чаем. И сразу же после ужина, уже всерьез, взялись за заготовку дров – ночь обещала выдаться холодной.

Глухо раздались в притихшей осенней тайге удары топора. И, словно откликаясь на них, с противоположного берега реки, из глубины леса, донесся собачий лай. Отчетливо различались два голоса: один низкий и хриплый – матерой собаки, другой позвонче – помоложе. «Откуда здесь взяты собакам?» У костра мы принялись разглядывать карту. До ближайшего поселка не меньше сотни километров. Может, это остановились на ночлег охотники? Но утиная охота уже закончилась, а на боровую дичь – не началась. И какой им смысл табориться вдали от речки?.. Так и не получив ответа на эти вопросы, у костра

и уснули. И всю ночь то и дело слышался лай собак, которые наверняка чуяли наше присутствие.

Проснулись вместе с солнцем. Попили чаю, собрались и, не мешкая, оттолкнулись от берега. Путь предстоял неблизкий, а десятидневный спуск на «резинке» по этой таежной речушке уже начал надоедать. Примерно через час подплыли к заброшенному поселку лесозаготовителей Усть-Тыгде. Лес в этих краях валили на протяжении полувека, в годы интервенции здесь одно время хозяйничали японцы. От интенсивных лесозаготовок запасы истощились, и поселок прекратил свое существование. Люди перебрались кто в Ураловку, кто в Овсянку или Зею. Дома большей частью оказались невывезенными. И ничего не осталось им, как смотреть на мир пустыми глазницами выбитых окон...

Неподалеку от впадения Тыгды в Зею замечаем на берегу фигуру человека. После многодневного путешествия это в радость. Подплываем, знакомимся. Александр Харьковский, инженер-таксатор Амурской лесоустроительной экспедиции. База его отряда находится на реке Оргулек, устье которой мы миновали полчаса назад. Пройти

по реке с самых верховий до устья и не побывать у лесоустроителей в гостях, конечно же, было бы непростительно. И вот шагаем с Александром по довольно хорошей дороге, уходящей в сторону Кухтериного Луга. Перед водоразделом дорога раздваивается. Сворачиваем на ту, которая ведет к Оргулеку.

Харьковский вдруг остановился и показал на медвежьи следы. Среди них были и крупные, и помельче. «Так возле лагеря и крутятся, — пробормотал он. — Ничему не научились». Было не до расспросов, и мы заторопились дальше.

Прошли с полкилометра и уперлись в небольшую, ладно срубленную избушку, возле которой располагалось несколько палаток. Это и была база лесоустроителей. Навстречу нам метнулись две лайки: широкогрудые, ухоженные, с завитыми в кольца хвостами. По лаю определили: ночью спать не давали именно они.

— Мы тоже всю ночь бодрствовали, — улыбнулся Александр. — Всякое передумали. Грешили на медведей: не снова ли к нам в гости напрашиваются?

— На каких медведей?

— Да на тех, чьи следы вы видели. Они на днях всем семейством сюда нагрянули...

И вот что он рассказал.

Несколько дней назад, вместе с двумя рабочими и техником, он ушел в маршрут. На базе остались его жена Ольга и приехавшие погостить к Харьковским на дни летних каникул их дети: семиклассница Олеся и пятиклассник Дима, — а также повар отряда Лукьяныч. Единственное оружие, которое имелось на весь отряд лесоустроителей, — семизарядный наган — взял с собой Александр.

Медведи пожаловали в лагерь вскоре после их ухода. Зверей было четверо: громадная медведица, пестун-второгодок и два забавных маленьких медвежонка.

Считанные метры отделяли медведей от избушки, когда Амур и Айка (так звали собак) были спущены с поводков: надо было принимать хоть какие-нибудь меры безопасности. От собак медведица бросилась в кусты, пестун за ней, а медвежата вскарабкались на высоченную разлапистую лиственницу, что склонилась над ручьем неподалеку от камералки.

В лагере лесоустроителей, тихом и спокойном еще несколько минут назад, воцарились дикий шум и нервоз-

ность. Метрах в двадцати от избушки то и дело взреывала, напоминая о себе, медведица; несколько раз к дереву пробовал прорваться пестун, но, атакуемый бешено лающими собаками, откатывался назад. Лукьяныч взял топор, попробовал лезвие пальцем: острый! Может, придется пустить его в ход, ситуация могла повернуться по-разному. У Ольги выступили на лбу капельки пота: так волновалась она за своих ребятишек!

А те, надо заметить, вели себя достойно. Димка позже скажет, что если бы у него было ружье, он бы этим медведям показал! А Олеся... хохотала! Ее смешила и разгневанная медведица, с приличного расстояния руководящая операцией по спасению своих малышей, и задиристый подросток-пестун, и забравшиеся на середину дерева медвежата. Олеся первой и разрядила обстановку.

— Да привяжите вы Амура и Айку! — крикнула она Лукьянычу. — А то медвежатам ни за что не слезть с дерева.

Когда собак кое-как удалось привязать, один из малышей-медвежат кубарем скатился с дерева и бросился к маме. Второй же спустился пониже, устроился в развилке дерева и с высоты своего положения продолжал наблюдать за разыгравшимся спектаклем. Но тут снова совершил свой челночный рейд к лиственнице пестун. Завидев рядом старшего собрата, и этот медвежонок, наконец, покинул дерево. По удаляющемуся треску сучьев можно было догадаться, что медведи удирают. И через несколько минут в лагере снова наступила тишина: слышно стало гудение комаров, теньканье синички, бормотание ручья на перекате.

— Вот видите! — торжествующе сказала Олеся. — Я же вам говорила!..

Ну а если бы медведи пожаловали в лагерь, когда все лесоустроители были в сборе? Наверняка Александр взялся бы за наган: семью надо защищать! — а медведица тоже не дала бы в обиду свое потомство... Да даже и без того — кто знает, насколько бы еще хватило ее терпения сидеть в кустах, слушая лай собак? Словом, визит косолапых мог завершиться трагедией.

Если бы не подсказанный четырнадцатилетней девочкой простой выход.

Дела надо решать мирно!

ХОЗЯЙКА ОЛЕКМЫ

Первое ощущение было такое, что мы оба сошли с ума...

Мы на плоту сплавлялись по Олекме, намереваясь достичь Лены и сплыть по ней до Якутска, это тысячи полторы километров пути. В знаменитых олекминских порогах находились уже вторые сутки. Нас закручивало в водоворотах, подбрасывало к небу на гигантских волнах, проносило в каких-то сантиметрах от нависших над рекой остроконечных скал. Иной раз часами шли на плоту, не имея возможности пристать к берегу: так неприступно выглядели скалы. И все более убеждались, что на нашей матушке-планете таких вот глухих, необжитых, первозданных мест осталось совсем немного. И вдруг — услышали:

— Ку-ка-ре-ку-у!

Тут-то мы и воззрились друг на друга: неужели обоим померещилось?

Но петушиное пенье раздалось опять — звонкое, жизнеутверждающее заявление о своем праве на территорию.

— Люди тут живут, что ли? Откуда?.. — Мы были в недоумении.

Вскоре все прояснилось. Промелькнуло справа по ходу плота устье речки Тунгурчи, и на открывшемся высоком берегу мы увидели два домика. Один старый, как

говорится, видавший виды, другой совсем новый. И только тогда вспомнили, что говорил нам охотовед Тындинского района Владимир Ковальский: перед одним из олекминских порогов, что выше устья речки Тунгурчакан, расположена сейсмостанция. Видимо, мы к ней и приплыли. Из-за стремительного течения к избушкам пристать не удалось, пришвартовались километром ниже. Через несколько минут к нам подошла милая женщина и просто сказала:

— Вот и гости пожаловали! Заходите, будем рады!

Так мы познакомились с Екатериной Гавриловной Гуртовенко, работницей этой самой сейсмостанции, и ее мужем Семеном Алексеевичем, представившимся «старым больным матросом». Но это он, конечно, перегибал! Его жизненному пути мог позавидовать всякий, а уж о болезнях и речи не было: здоров как бык! Украинец по национальности, цыган по натуре, он не мог сидеть на одном месте. В двадцать лет ушел в торговый флот. За четверть века избородил все моря и океаны планеты, бывал в Сингапуре, на Огненной Земле, в Дании, Франции, Анголе, Испании, Японии, ходил по Северному Ледовитому океану. И со всех этих географических точек слал своей молодой жене короткие весточки.

Екатерине Гавриловне это надоело, и однажды состоялся разговор: или она, или море. «Старый больной мат-

рос» выбрал первое. Перепробовал с полдюжины сухопутных профессий — не понравилось. Видя, что муж «почерному» тоскует о дороге, что он в душе неисправимый романтик и бродяга в хорошем смысле этого нехорошего слова, она согласилась ехать с ним хоть на край света. С условием: если этот «край света» будет на суше, а не на море. У Семена Алексеевича снова появился в глазах азартный блеск.

— Так куда поедет, мой непутевый? — спросила она мужа.

Похоже, у Семена Алексеевича ответ был заготовлен заранее.

— Едем, Катя, на Дальний Восток, — сказал он. — Там интересно: БАМ строится. Я недавно в газете прочитал, что на строительство Удоканского комбината молодежь требуется.

Екатерина Гавриловна всплеснула руками:

— Окстись, Семен! Мы-то с тобой — молодежь? Скоро серебряную свадьбу отметим...

— На БАМе и отметим.

Как говорится, первое слово дорожке второго. И вот, оставив благоустроенное жилье родным и близким, супруги Гуртовенко прибыли в Тынду. Вот так, спонтанно, без всякой договоренности с кем-либо о трудоустройстве. Сейчас их поступок выглядит странным, но в те восьмидесятые годы романтика была в чести у россиян.

И вот столица БАМа. Оставив Екатерину возле пяти-сот килограммов вещей и собаки Кучума, Семен Алексеевич пошел «устроиваться на работу». Наткнулся на геологов, которые знали все и вся. Они и помогли ему связаться с чульмановскими сейсмологами — а тем требовались начальники на отдаленные сейсмостанции. Одна из них находилась в самом центре Станового хребта, разрезаемого могучей Олекмой. Так они оказались на Тунгурче.

Здесьняя природа поразила воображение даже видавшего виды Семена Алексеевича. Все правобережье Олекмы — в скалистых пиках, высота которых достигает полутора-двух километров, в глубоких распадках синие ели отражаются в водах говорливой красавицы Олекмы. И ветер — от наличия вечномерзлого грунта — всегда свежий, бодрящий... На сотни километров вокруг нет жилья: разве что охотничьи избушки кое-где. Ближайший населенный пункт — станция Хани, до которой «только само-

летом можно долететь», а по реке не добраться: мешают многочисленные шивера и пороги.

Посреди всего этого великолепия — два домика. В одном установлена аппаратура для автоматического фиксирования атмосферы и сейсмического состояния данного региона, а в другом живут Екатерина Гавриловна и Семен Алексеевич. Работа идет 24 часа в сутки, связь с «большой землей» — через каждые шесть часов. Постоянная связь налажена с Чульманом, Якутском, Иркутском; состоянием региона интересуются строители, авиаторы, труженики сельского хозяйства, эксплуатационники БАМа.

Да и вообще скучать супругам некогда. Впечатлений всегда с избытком. То медведица со своим потомством на сейсмостанцию пожалует, то дикий олененок набредет, то копалуха с выводком мимо прошепчет. Никого супруги Гуртовенко не обижают, даже покормят «братьев меньших», пожелают им доброго пути.

Ведут хозяйство: отвоевали у каменистого берега сотку земли, посадили картофель, кое-какие овощи. Еще Семен Алексеевич углубил одну из расположенных возле берега ям, запустил туда воду, поместил карасей. Рыба теперь, словно в садке, прирученная. Обжили расположенный недалеко родоновый источник, горячие целебные воды которого выбиваются на дневную поверхность у правобережных скал Олекмы. Врачуют себя там — и на здоровье не жалуются.

А однажды вертолетчики привезли им петуха с курочкой. Но цыплят развести не получилось: попала курочка в лисьи лапы. С той поры петушок и затосковал, кричит чаще обычного...

На прощанье Екатерина Гавриловна намертво сразила нас огромным тортом «Наполеон», который испекла «на дорожку». Ну разве могли мы предположить, что в самом сердце Станового, среди диких скал и синих елей, нас ждет торт «Наполеон»? Но и этого хозяйке здешних мест показалось мало. Она сходила к дюральке и вернулась с двумя увесистыми ленками.

— На спиннинг поймала, пока вы спали, — улыбнулась она. — Кто рано встает, тому Бог подает...

Быстрое течение взялось на наше утлое суденышко сразу же, едва мы оттолкнулись от берега. Махая рукой, хозяйка Олекмы прокричала нам вслед:

— Счастливой доро-о-ги!

Рассказы

ПУШИСТЫЙ БАРОМЕТР

Мы объездили в тот день с десяток марей, пересекли уйму водоразделов, прочесали немало крепей и буреломов. Но безрезультатно, косуль и в глаза не видели. Подумывали уже о возвращении в город Зею. И тут напарник мой, Владимир Александрович Паздников, предложил:

— Давайте заедем к манегру. Чайку попьем... Может, старик насчет завтрашней охоты что-нибудь подскажет. Здешние места он знает куда лучше нас...

— Далеко это?

— Да нет, километра четыре отсюда, на берегу Арби. Раньше там был поселок, манегры в нем жили. Одна из ветвей эвенкийского рода.

— Наверно, все уже померли?

— Один старик и остался, — вздохнул Паздников. — Зовут Иннокентий, а фамилию не знаю. Да он сам, пожалуй, ее не помнит. Живет, как дышит: просто и бесхитростно. Жаль, что вымерла эта народность. Иннокентий, пожалуй, «последний из могикан»...

Наша «Нива» свернула с накатанной лесовозной дороги, перебралась через еще не полностью застывшую речку Арби, поднялась на террасу. Взору открылась поляна с почерневшими от времени, покосивши-

мися домами. Над одним из них вилась робкая струйка дыма.

— Жив, курилка! — облегченно вздохнул Владимир Александрович.

Я приготовился увидеть пусть пожилого, но крепкого, кряжистого лесовика: все же для житья одному в этой суровой местности нужны силы, слабому здесь делать нечего. Но дверь открыл сухонький, маленький старичок, белый, как полярная сова.

— Здравствуй, Иннокентий! — снял шапку Паздников. То же самое следом сделали и мы.

— Проходите, садитесь чай пить, — засуетился хозяин. — Только вот заварки у меня маловато.

— У нас имеется. Даже оставить можем...

Чай заварили на славу. Пили горячим, обжигая губы и даже желудок. Поговорили о погоде, коснулись охотничьей темы.

— Совсем не стало дичи, — сокрушался старый манегр. — Раньше косули прямо к крыльцу подбегали, вместе с лошастью сено ели. От зайцев житья не было, весь тальник погрызли. И лоси на марях водились. А сейчас целый день ходи впустую.

— Так и есть, — поддакивал Владимир Александрович. — Мы вторые сутки по тайге мотаемся, а дичь в глаза не видели.

— Плохо стало, — кивал манегр.

За разговорами стемнело. Поднялись из-за стола, пора было ехать. Но, как говорил Штирлиц, запоминается только последнее слово, о чем Паздников, конечно же, знал. И о главном он сказал, когда мы прощались со стариком на крыльце:

— У нас тут лицензия на косулю имеется. Не подскажешь, где они сейчас квартируются? Где мы их только не искали... Что, если завтра к тебе подъедем? Поможешь поохотиться?

Манегр подумал и ответил:

— Ничего не получится. Снег будет. Сильный. Пурга будет... Вот все сейчас и попрятались...

С чего старик решил, что пойдет снег?.. Небо над головой было чистым, кое-где появились звезды. Правда, светили они тускло, но разве это причина для беспокойства? Не хочет, наверное, старик, чтобы в его угодьях другие промышляли... Вот и ищет любой повод для отказа...

Но, похоже, хозяин зимовья прочитал наши мысли.

— Ко мне нынче гость не приходил, — сказал он.

— Какой гость? — не поняли мы.

И вот что выяснилось. Оказывается, в тайге манегр не так уж и одинок. Как маленький принц у Экзюпери, он приручил лиса. Настолько, что тот ходит к манегру в гости, берет корм чуть ли не с рук. И так — каждый день. А сегодня, вот, не пришел.

— К непогоде, однако...

— Или подстрелили твоего лиса, — сказали мы.

Лицо старика осталось бесстрастным.

— Не-ет, — протянул он. — Лис хитрый, и собак, и охотников обманет... Спит сейчас где-нибудь в чаще... Или в нору забился...

С тем мы и уехали. Добрались до города, сверили часы, договорились поутру снова выехать на охоту, попытаться счастья. Но «последний из манегров» оказался прав. В полночь запуржило, поднялся ветер, пошел сильный снег. О поездке нечего было и думать.

Примет существует много. Старый манегр со своим «пушистым барометром» увеличил их число.

ЛЕСНЫЕ БОМЖИ

Леса Магдагачинского района славятся обилием муравейников. Среди последних встречаются поистине гигантские: диаметром до двух и высотой до полутора метров. На нетронутых лесозаготовках и лесными пожарами попадают целые скопления этих строений, возведенных «санитарами леса», и тогда кажется, что попал в муравьиный город. Конечно, строгих рядов улиц не увидишь, но определенная симметрия в расположении муравейников угадывается. Чаще всего это жилища черных муравьев, реже — рыжих. Примечателен и такой факт: в районах леса, где наблюдается обилие муравейников, полно грибов и ягод. Полакомиться насекомыми и их личинками прилетают глухари и рябчики, наведываются к таким местам и медведи. Пищи хватает всем. Да, похоже, и муравьишки на визиты к ним других обитателей леса не жалуются, в природе ничего не делается даром.

А в последнее время в прилегающих к Амуру лесах стали твориться непонятные и неприятные вещи. Как в «Коньке-Горбунке»: «Кто-то в поле стал ходить и пшеницу шевелить...» Только, применительно к нашей истории, это можно изложить так: кто-то в наглуго стал разорять муравейники. Разгребать муравьиные кучи до самого основания!

Поначалу грешили на пацанов, ставящих здесь петли на косуль и зайцев. Но последний наш визит в верховья речки Лугды, что берет свое начало неподалеку от железнодорожной станции Сиваки, поставил все, как говорится, на свои места.

В тот весенний день неожиданно повалил снег: сильный, падающий хлопьями. Деревья тут же принарядились в белоснежные шубки, пни нахлобучили пышные белые шапки, и грех было не воспользоваться случаем и не отнять на цветную фотопленку эту зимнюю экзотику. Прибыл на место — и сразу же направился к месту замеченной ранее муравьиной колонии: снимки обещали быть сногшибающими! Представьте себе десятки куполообразных строений на фоне белоснежных хлопьев вперемешку с желтыми листьями дубняка! Любой таким кадрам позавидует!

Вот и муравьиный городок. Только что это?.. Вместо строгой конфигурации муравьиных жилищ — разворошенные, а то и вовсе сровненные с землей кучи. Все разрушено, разграблено, разрыто!

Лишь один муравейник выглядел вроде бы нетронутым. Да и то с его вершиной что-то сделалось, что-то

произошло. Появилась вдруг какая-то диковинная надстройка.

Или это не муравейник? То ли валежина, то ли черт те что...

И вдруг это «черт те что» с громким уханьем сорвалось с места, рвануло со спринтерской скоростью сквозь наметенные возле опушки сугробы, скрылось в густом подлеске. В таинственном ожившем предмете я без труда узнал кабана-секача. Веса в животном было килограммов двести, не меньше. Он смахивал на могучего и всепокрушающего броненосца. Попадись такому на пути — затопчет, вмиг сровняет с землей.

Но что он делал на муравейнике, каким ветром его туда занесло? Я прошел туда, где еще несколько минут назад «дремал» дикий вепрь.

И вот что выяснилось.

В сильные холода, как известно, дикие свиньи строят для ночевки так называемое гайно — своеобразное кратковременное жилище. Для этого разрывают до земли снег и в образовавшуюся яму притаскивают сломанные ветки деревьев и кустарников, прошлогоднюю пожухлую траву, кустики рододендрона даурского — словом, все, до чего может дотянуться их рыло. Получается в итоге постель, не продуваемая с боков и защищенная от холода с низа. В ней и ночуют кабаны стада; впрочем, секачи, как правило, строят себе отдельное гайно. И если корма в округе достаточно, то стадо кабанов, случается, неделями пасется на одном месте. И перебирается на новый участок, лишь когда кончится пища.

А вот в последнее время этим правилом кабаны стали пренебрегать. Вместо трудновозводимого гайна для ночевки они стали приспособливать муравейники. Разроет секач своими мощными клыками муравьиную кучу, заляжет в нее и спит сном праведника. И тепло, и корм, что говорится, под боком, — в желудках добытых кабанов полным-полно материала с муравейника, впрочем, как и самих насекомых.

Такие животные-бродяги во многом напоминают всем известных бомжей, то есть людей без определенного места жительства, живущих по принципу «что Бог пошлет». Неужели людская неблагоустроенность последних лет как-то трансформировалась и на «братьев наших меньших», к которым, как это ни печально, приходится отнести и диких кабанов?